

могут не замечать, насколько переход все новых и новых сотен тысяч и миллионов рабочих и служащих под знамя Рабочей Партии, отличается от прежних колебаний избирателей между лозунгами тори и вигов, либералов и консерваторов. Тогда речь шла о двух оттенках социально почти тождественной политической силы, теперь борьба идет между противоположными классами, между двумя принципами, двумя историческими эпохами. Ни у либералов, ни у консерваторов не было своей строго очерченной социальной базы: избиратель — до недавнего времени, пенсовый избиратель — выбирал каждый раз заново между тем и другим кандидатом и голосовал за того кандидата, который ему больше нравился. Совершенно иной характер имеет собрание сил Рабочей Партии: сквозь пелену верящихся вокруг партии подвучников не трудно видеть растущее с каждым годом социально однородное ядро партии, осознавшее и с полной отчетливостью опирающееся свою противоположность господствующим классам. Правда, в партию вступают и представители буржуазной интеллигенции, старой аристократии, высшего духовенства, но смысл этих характерных для английской жизни парадоксов заключается в том, что одиночки из стана сегодняшних хозяев жизни переходят в стан социально угнетенных, переходят в силу двойных мотивов, о которых открыто говорят своим новым товарищам: «На вашей стороне правда! А кроме того, на вашей стороне несомненная победа!»

Что может противопоставить британский консерватизм росту Рабочей Партии? Силы — традиции, «респектабельность». Но Рабочая Партия усвоила внешне формы традиционного благолепия. Любой бухгалтер, любой инженер может вступить в партию, в списках которой рядом с миллионами рабочих значится уже с полдюжины лордов.

Церковь? Но Рабочая Партия не борется с религией, не выступает против церкви. И вот сотни тысяч углекопов, которых воспитанные веками суеверие, будни в мрачных шахтах и воскресные проповеди с амвона так долго удерживали в стороне от движения, постепенно начинают сознавать себя участниками общего классового движения.

Рост партии идет по двум линиям: с одной стороны, растет ее чисто рабочее ядро, с другой стороны, все больше распространяется ее влияние в смежных с промышленным пролетариатом слоях (среди служащих, чиновников, интеллигенции и т. д.). Второй процесс протекает медленнее, чем пер-

вый. Но обоих процессов достаточно, чтобы превратить Рабочую Партию в прочное большинство, а общее сознание неизбежности роста новой силы облегчает ей захват новых позиций вне фабрик, заводов и шахт.

Консерватизм пытается бороться с надвигающейся опасностью методами устрашения. Но на этих путях в Англии многого достичь невозможно — особенно, опираясь на рабочих избирателей! Либерализм пробует воздвигнуть против красной волны несокрушимую плотину, усвоив часть требований Рабочей Партии, ее концепцию государства, ее метод подхода к экономическим проблемам. Но такая мимикрия либералов сама по себе уже является победой принципов рабочего движения, — а победа всегда окрыляет, всегда дает стимул дальнейшего порыва вперед. Новым шансом успеха для Рабочей Партии является неспособность консерваторов и либералов сговориться об общей тактике борьбы с социалистической опасностью.

При таких условиях, дальнейший рост Рабочей Партии и приобретение ею прочного большинства в стране и в парламенте едва ли может подлежать сомнению. Получит ли она большинство уже на ближайших выборах, или после следующей легислатуры, или еще через 10 лет, — предсказать, разумеется, невозможно. Может быть, распространение избирательного права на женщин пойдет на пользу консерваторам. Может быть, случайная неосторожность вождей движения позволит коммунистам внести в рабочую среду яд раскола и авантюризма, т. е. движение будет снова отброшено назад. В исторической перспективе подобные зигзаги восходящей кривой имеют лишь второстепенное значение. Путь рабочего движения в Англии ясен: при социальной структуре страны, пролетариат рано или поздно овладеет всей властью, если только удастся ему пронести сквозь горнило исторических испытаний верность двум принципам, — принципу классовой борьбы, классовой организации, с одной стороны, и принципу демократии, с другой стороны.

Обратимся к Германии. Коэффициент пролетаризации здесь ниже, чем в Англии, — всего 66% (не считая рентьеров, пенсионеров и др. лиц «без определенных занятий»). За буржуазией стоит здесь крестьянство (по переписи 1925 г. около 7 милл. самостоятельного населения, считая жен и участвующих в производстве крестьянских сыновей). Мощное крестьянство отрывает от рабочего движения, втягивает в орбиту своего